

DOI: 0.31425/0042-8795-2019-1-296-301

Русская литература и философия: пути взаимодействия / Отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. 600 с.

АНТОН ВЛАДИМИРОВИЧ ФИЛАТОВ

младший научный сотрудник

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; email: Fil201292@yandex.ru)

Аннотация. Рецензируемая коллективная монография посвящена исследованию взаимосвязи литературы и философии

в русской культуре. Авторами рассмотрен феномен художественной философии. Героями книги стали Л. Толстой, Ф. Достоевский, В. Соловьев, А. Лосев и другие писатели и философы.

Ключевые слова: Л. Толстой, Ф. Достоевский, А. Лосев, В. Соловьев, философия, литература, междисциплинарность, ИМЛИ, революция.Рецензия поступила 05.03.2018.
© 2019, А. В. ФилатовTakho-Godi, E., ed. (2018). *Russian literature and philosophy: Ways of interaction*. Moscow: Vodoley. 600 p.**ANTON V. FILATOV**

Junior Research Assistant

Lomonosov Moscow State University (1-51 Leninskie Gory, 1 Humanities Building, GSP-1, Moscow, 119991, Russia; email: Fil201292@yandex.ru)

Abstract: A result of several seminars supervised by E. Takho-Godi at IMLI RAN, the collective monograph is the first volume in the new academic series called *Russian Literature and Philosophy: Ways of Interaction [Russkaya literatura i filosofiya: puti vzaimodeystviya]*. The authors focus on the works by those Russian writers and philosophers who provide most vivid examples of interaction between literary and philosophical

principles. Such approach is determined by the literaturecentricity of Russian culture. Many of the book's protagonists, e. g. F. Dostoevsky, A. Grigoriev, L. Tolstoy, V. Solovyov, and A. Losev, were writers as well as philosophers.

One of the tools suggested for philosophical interpretation of creative writing is the subject-to-subject method developed by T. Kasatkina, which relies on the dialogue between the scholar and the author as equals.

Keywords: L. Tolstoy, F. Dostoevsky, A. Losev, V. Solovyov, philosophy, literature, interdisciplinary, IMLI RAN [Gorky Institute of World Literature, RAS], revolution.The review was received on 5 Mar. 2018.
© 2019, A. V. Filatov

Рецензируемая коллективная монография, изданная при поддержке Российского научного фонда, представляет итог ряда междисциплинарных семинаров, проведенных в ИМЛИ РАН и объединивших литературоведов и историков философии из Германии, Израиля, Италии, России и США, среди которых как ученые с мировым именем, так и молодые специалисты. Их исследования посвящены различным аспектам взаимодействия «двух важнейших составляющих русской культуры» (с. 4).

В общетеоретическом введении Е. Тахо-Годи обосновывает востребованность в отечественной науке подобных трудов, благодаря которым можно «выстроить целостную концепцию взаимосвязей литературы и философии» (с. 13–14), а Т. Касаткина описывает специфику субъект-субъектного метода в интерпретации художественных произведений. Основанный на равноправном диалоге личности ученого с познаваемым объектом, данный подход справедливо назван базовым для всех гуманитарных дисциплин. Опираясь на достижения герменевтики, Касаткина формулирует его основные положения (неповторимость эксперимента, необходимость многократного чтения текста, открытость различным толкованиям и др.) и применяет на материале «Записок из подполья» Ф. Достоевского (находит у писателя маркеры значимости — специальные фразы-сигналы, привлекающие читателя своей странностью и помогающие раскрыть авторскую позицию). Отношение к тексту как «другому субъекту» (с. 41), с одной стороны, сближается с бахтинской концепцией диалогизма, а с другой — повторяет такие принципы «Новой критики», как «тщательное прочтение» (close reading) и внимание к текстовым парадоксам и двусмысленностям.

Опора на филологический научный фундамент задает основной исследовательский вектор и позволяет воспринимать книгу как единое целое. Большая часть вошедших в нее работ написана с литературоведческих позиций. К философии авторы обращаются, как правило, при анализе идейного уровня текстов. Во многом это обусловлено литературоцентричностью русской культуры (многие герои книги — философы и писатели одновременно). Статьи тома формируют пять тематических блоков с соответствующими разделами, которые хронологически охватывают период от начала XIX века до 1920–1930-х годов.

Первая часть посвящена рассмотрению философских категорий в произведениях «поэта мысли» Е. Боратынского

и идеолога почвенничества А. Григорьева. Обращение Ю. Анохиной к «Сумеркам» показало, что бытие и пространство, в соответствии с романтическими представлениями о двоимирии, в лирике Боратынского разобщены и противоречивы. Анализируя стихотворение «Все мысль, да мысль!..», манифестирующее отношение Боратынского к жизни и поэзии, Д. Бартон намеренно дистанцировалась от полемики поэта с эстетикой Шеллинга, чтобы вычленив его собственную философию. О влиянии идей почвенничества на художественную прозу Григорьева пишет О. Середина, обращаясь к мемуарам «Мои литературные и нравственные скитальчества» и находя в них органические метафоры Москвы как «города-растения», мотивы древности и старины, а также традиционный образ Аркадии как идеального топоса. Выявленные особенности текста, по мнению литературоведа, помогают Григорьеву не только запечатлеть свои воспоминания, но задом воплотить в них почвенническое мировоззрение и идеи органической критики. Отражение в мемуарах Григорьева социальных изменений культурной топографии Москвы подробно рассмотрено и в публикации Р. Виттакера.

Вторая часть книги сфокусирована вокруг имен писателей-философов Л. Толстого и Достоевского. А. Кара-Мурза воссоздает обстоятельства поездки молодого графа с И. Тургеневым в Дижон в 1857 году и ее связь с произведениями этого времени, с бегством Толстого в Швейцарию и его увлечением философией Ж.-Ж. Руссо. Влияние философии Шиллера на Толстого убедительно доказывает Л. Штайнер, обращаясь уже к фактам не биографии, а творчества; в частности, к отражению в произведениях писателя шиллеровской концепции идиллии, изложенной в трактате «О наивном и сентиментальном в искусстве» и, вероятно, легшей в основу толстовской идеи опрощения. И. Евлампиева интересуется религиозное учение Толстого и его анархизм, истоки которого, как и у М. Бакунина, ученый находит в философии И. Фихте. В результате становится ясна глубокая религиозность толстовского анархизма, не имеющего «ничего общего с нигилизмом» (с. 188). Т. Магарил-Ильяева отходит от поиска параллелей между текстами философов и литераторов и анализирует гностические мотивы у раннего Достоевского. Гностицизм здесь понимается и как герметическое учение, и как мировосприятие, что позволяет литературоведу выявить в художественном мире Достоевского ощущение расколотости, не ограничивая его генезис

только романтизмом и христианством. На том, что из литературного произведения нельзя механически вычленив «дискурсивную “философскую составляющую”» (с. 220), настаивает Касаткина, когда рассматривает философию и богословие Достоевского на уровне интерпретирующей аналитики и постулирует их несводимость к высказываниям положительных персонажей. Методологически начатый Касаткиной разговор продолжает О. Шалыгина, демонстрирующая на примере А. Чехова различные стратегии изучения философии писателя, которые опираются на «чужие» философские теории или формулируют собственно авторскую систему представлений (кстати, подобное разграничение применимо и к рецензируемой монографии).

Главными героями третьего раздела стали представители Серебряного века — эпохи интенсивного взаимодействия литературы и философии. С. Серегина рассматривает идеи активного христианства Н. Федорова и всеединства В. Соловьева в лирике Н. Клюева, а также славянофильские концепты в творчестве С. Есенина. В обоих случаях исследователь использует работы философов в качестве исходного инструментария, идя по пути методологического соположения, благодаря чему новое осмысление получают клюевские категории пространства, смерти и есенинская идеализация допетровской Руси. К мистическим повестям А. Чаянова обращается Н. Михаленко, подчеркивая их богатую литературную традицию, идущую от А. Пушкина и Э. Гофмана. Изучение пограничных ситуаций в произведениях побуждает автора учитывать аналитическую психологию К. Юнга. Сходным образом поступает Н. Сегал-Рудник, рассматривая в рецептивном аспекте теоретические труды Вяч. Иванова о Гоголе и Достоевском, в которых преломляется идея мистериального пересоздания личности и истории. Особенно ценен здесь анализ изменений, внесенных Ивановым в свои работы после революции и фиксирующих трансформацию его мыслей о судьбе России. Исследуя эмигрантскую полемику вокруг книги В. Варшавского «Незамеченное поколение», вызвавшую многочисленные отклики русских мыслителей, О. Марченко переносит центр тяжести с литературы на философию, что композиционно оправдывается четвертым разделом рецензируемого издания, где предлагается взглянуть на художественное творчество глазами разных философов.

Восприятие А. Горским поэзии А. К. Толстого и его роль в формировании концепции Эроса показаны А. Гачевой, так

же опубликовавшей в книге новые материалы из архива философа. Е. Тахо-Годи сосредоточилась на литературно-философском осмыслении метафорических образов «дыры» и «дыромольев», которые с легкой руки Вл. Соловьева приобрели в культуре начала XX века устойчивую ассоциацию с мнимой, искаженной верой, вызванную обострившимся противостоянием религиозного и позитивистского мировоззрений. В другой статье исследователь обратилась к философско-музыкальной прозе А. Лосева и выдвинула гипотезу сознательной ориентации мыслителя на фигуру В. Одоевского, проведя параллель между философскими дискуссиями Любомиров в 1820-х и дискуссиями сотрудников ГАХН в 1920-х годах. Наследие Лосева также привлекло внимание Дж. Римонди, которая считает его обращение к литературному дискурсу сознательной стратегией: «Художественный опыт у мыслителя служит почвой для открытия сферы осмысления и понимания» (с. 440–441). Заметим, что к похожему выводу, но на зарубежном материале литературных опытов Ж.-П. Сартра и А. Камю пришел А. Корчинский (см. его монографию «Форманты мысли», 2015). К наследию ГАХН также обратил Н. Богомолов, осветив на основе архивных данных работу подсекции истории русской литературы. Приведенный обзор заседаний и прочитанных докладов доказывает существование в 1920-е годы серьезной школы по изучению символизма, которая сохраняла культурные и научные связи с эпохой Серебряного века вплоть до своей ликвидации в 1930 году.

Лейтмотив последнего раздела книги — русская революция. Мысли Достоевского о ее возможностях и причинах анализируются К. Степаняном. Впервые собранные и не переиздававшиеся статьи Д. Философова 1917–1918 годов, посвященные культурно-просветительской политике властей, подробно охарактеризованы А. Холиковым и О. Коростелевым, а А. Хечикян рассмотрены факторы, вызвавшие подъем футуризма в армянской литературе постреволюционных лет. Все это подготавливает читателя к осмыслению феномена революции В. Кантором, видящим ее причины в отказе человека от христианского «разума» ради всеотрицающего самоуверенного «безумия». Ученый прослеживает историю философского осмысления данного понятия. По его мнению, оно актуализируется во время войн и всегда сопутствует ломке регуляторов цивилизации, усыпляя разумное начало в человеке, что демонстрируется на примере российских событий. Предложенный Д. Сегалом ряд

примеров, иллюстрирующих отношение русских писателей к революции 1917 года, логически завершает тему.

Безусловно, вышедшая монография не исчерпывает заявленной темы и является только «первым выпуском серии» (с. 14). Надеемся, она внесет ощутимый вклад в осмысление специфики русской словесной культуры, а внимание авторов в дальнейшем будет более пристально обращено не только на содержательный план произведений и реализацию определенных философских идей, но также на поэтологическую функцию этих идей.